

Игорь Орлав

Память на двоих

Игорь Орлав

Память на двоих

«Автор»

2026

Орлав И.

Память на двоих / И. Орлав — «Автор», 2026

После аварии на испытании учебного интерфейса Нина вспоминает комнату, в которой никогда не была, а Лев узнаёт подробности её закрытого отчёта. Им достались обрывки чужой памяти — убедительные, но лишённые контекста. Чтобы выяснить, почему прибор не остановился, придётся найти повреждённую ленту и проверить показания людей. Но самая многообещающая зацепка ведёт в разговор, который они обещали не трогать.

Содержание

1. Вода в усах	6
2. Восемь дорожек	9
3. Чужая рука	12
4. Ветряк без ветра	15
5. Красная перчатка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Орлав

Память на двоих

Все персонажи, организации и события вымышлены. Описанная технология передачи воспоминаний — художественное допущение.

1. Вода в усах

Вода задержалась в усах. Нина поджала верхнюю губу, дотянулась языком до мокрых волосков и только тогда поняла, что это происходит не с ней.

У неё не было усов.

Она стояла в незнакомой комнате и держала тяжёлую белую чашку. На дне остался круг чая, у ручки шершавел шов. Левая нога мёрзла: тапочка куда-то девалась. В окне виднелись две трубы и белая полоска моря. У жалюзи три нижние планки были кремовыми, остальные — цвета потемневшей кости. В простенке висела жестяная чайка. Клюв у неё загибался вверх, хотя Нина точно знала, что правильно было бы загнуть его вниз.

Нет, этого она тоже не знала.

На углу стола лежала красная папка с неровной чёрной надписью. За спиной шуршала бумага.

— Пап, только не открывай, — сказала девушка.

Чашка исчезла вместе с комнатой. Пластиковый стакан выскользнул из Нининых пальцев, отскочил от края кровати, и вода растеклась по серому полу.

Она сидела в палате. На подоконнике дрожал светлый квадрат от соседнего здания. Кто-то оставил рядом с её ногами тапочки носами в разные стороны. В левой руке находилась салфетка, которой она собиралась вытереть рот. Нина ощупала верхнюю губу. Гладкая кожа. Всё своё.

Вошла женщина с короткими белыми волосами. Нина помнила её имя: Мира Веденеева. Вчера Мира проверяла посадку височного обода и попросила убрать заколку. Или позавчера.

— Который сейчас день?

— Вторник. Испытание было вчера.

Мира заметила воду, обошла лужу и поставила стул так, чтобы смотреть на Нину снизу вверх.

— Что вы увидели?

Вопрос был слишком готовым. Нина медленно убрала руку от лица.

— Почему вы спрашиваете именно так?

— Лев Мещеряков час назад описал вашу кухню.

Нина смотрела на пряжку Мириного браслета. Та была расстёгнута и цепляла шерстяной рукав. Очень хотелось сказать об этом прежде всего остального.

— Какую кухню?

— Узкую. Шкафчик над столом закрывается синей лентой. Внутри, на нижней полке, стоит зелёное блюдо с отбитым краем.

Лента появилась в субботу. Нина приклеила её после того, как дверца снова распахнулась и ударила её в висок. Никто из сотрудников лаборатории не заходил к ней домой. Фотографировать шкафчик она не собиралась.

— Блюде не зелёное. Белое с зелёной полосой.

Мира кивнула, будто это было существенно. Взяла с пола стакан, но воду вытирать не стала.

— Расскажите про своё?

— Про его.

— Да. Про то, что вы увидели.

Нина описала чашку, окно, босую левую ступню. На словах о чайке её вдруг охватило неуместное раздражение: кто же выгнул этот клюв? Раздражение не имело ни причины, ни адреса. От него стало страшнее, чем от чужой комнаты. Можно было отвернуться от картинки. Но как отвернуться от желания поправить чужую жестяную птицу?

— Девушка что-нибудь сказала? — спросила Мира.

Нина подняла глаза.

— Вы уже знаете, что там была девушка?

— Лев сообщил, какой эпизод вспомнил во время настройки перед испытанием. Я не прошу повторять личный разговор. Мне нужно понять, совпали ли фрагменты.

Нина промолчала. Слова «не открывай» ещё стояли в комнате, как предмет, который некуда положить.

С Мещеряковым она познакомилась пять дней назад. Он принёс на предварительную встречу разобранного деревянного краба, потому что после лаборатории собирался в мастерскую. Краб лежал в холщовом мешке, ноги торчали наружу. Нина тогда решила, что предмет взят для знакомства: удобный повод показать, какой хозяин интересный человек.

Лев на мешок не ссыался. Поставил его под стул и сорок минут задавал вопросы о кнопке остановки.

В испытании Нина должна была принять от него ощущение, с которым собирают малый сценический привод. Не навык целиком, не знание механики: положение пальцев, сопротивление пружины, момент, когда надо отпустить деталь. Она много лет проверяла учебные интерфейсы, но почти всегда оставалась по другую сторону стекла. На этот раз согласилась быть вторым участником. Её собственный опыт тоже передавался: Лев должен был почувствовать, как она на слух различает два сбившихся привода.

Всё уместалось в сорок секунд.

Последнее, что Нина помнила сама, начиналось с жёлтой полосы на пульте. Полоса должна была погаснуть, когда она убрала палец с разрешающей площадки. Она не погасла. Нина сказала: «Стоп». Затем её зубы почему-то ощутили металлическую ложку. Она даже рассердилась: в процедурную нельзя приносить еду.

Дальше оставался белый промежуток.

— Лев здесь? — спросила она.

— В соседней комнате. Вы хотите его видеть?

— Прежде скажите: в мою квартиру кто-нибудь входил?

— Насколько мне известно, нет.

— Проверьте. Я хочу знать это отдельно от всего, что вы объясните.

Мира достала устройство из кармана, набрала короткое сообщение и повернула экран, чтобы Нина увидела вопрос дежурному. Затем убрала его.

— Можно будет проверить записи домового доступа. По вашему запросу.

— Хорошо. Теперь Льва.

Он вошёл без мешка с крабом. Невысокий, широкоплечий, в больничных брюках, коротких ему даже при его росте. Густые усы на круглом лице были заметно седее волос. Лев остановился у двери, поглядел на мокрый пол и спросил, можно ли взять полотенце.

Пока он вытирал воду, Нина невольно следила за его левой ногой. На обеих ногах были тапочки.

— Вы шлёпаете левой пяткой, когда идёте, — сказала она.

— Бывает. Подошва отходит.

Он выпрямился. Полотенце висело у него на руке.

— У вас лента на шкафу отрывается с верхнего края, — сказал он. — Я всё утро думаю, что надо приклеить новую. Хотя никогда не был у вас.

Нина почти засмеялась. Смех остановился в горле: слишком легко было принять это за забавное совпадение и тем самым разрешить что-то ещё.

— Вы видели блюдце?

— Да.

— Что было на нём?

Лев посмотрел на Миру.

— Лучше вы скажете, хотите ли, чтобы я ответил при ней.

На блюде лежал сложенный вчетверо лист. Нина положила его туда, чтобы не потерять среди рабочих бумаг. Она не помнила, какой стороной он был повёрнут.

— Не сейчас, — сказала она.

Лев кивнул. Не спросил почему.

У Нины впервые со времени пробуждения получилось глубоко вдохнуть.

— У вас чайка неправильная.

— Это Саша делала. В девять лет. Я предложил переделать клюв.

— А она?

— Сказала, что это чайка, которая передумала.

Он улыбнулся, но не той девушке из воспоминания, не невидимой комнате. Ей, Нине, которая сидела перед ним и ничего не знала о его жизни.

— Вы слышали Сашу? — спросил Лев.

— Одну фразу.

Он подождал.

Нина не повторила её.

2. Восемь дорожек

На следующий день Мира принесла два листа бумаги и положила их на подоконник. На каждом было по восемь коротких полос, похожих на отпечатки ребра ладони. Она не придвинула листы ни к Нине, ни ко Льву.

Нина уже получила ответ от домового управляющего: её дверь после понедельничного ухода не открывали. Она сама запросила выписку, сама сверила время. Мира видела только сообщение о результате. Никому не понадобился список Нининых посетителей за месяц.

— Здесь нет изображений ваших воспоминаний, — сказала она. — Только признаки того, как обод к ним обращался.

Они сидели в маленькой комнате наблюдения. За дверью работал уборочный автомат, не умеющий объезжать ножку старой скамьи. Каждые полминуты раздавалось обиженное постукивание.

Нина плохо спала. Ей снилась собственная кухня, и она не могла решить, считается ли такой сон новым вторжением. Лев выглядел бодрее, но держал чашку обеими руками, хотя она была лёгкой.

— Сначала то, что установлено, — потребовала Нина.

Мира указала на первую полосу.

У «Створа» были две разные работы. Для урока он передавал короткое ощущение, которое участник сам отмечал началом и концом. Но прежде устройству требовалось научиться отличать это ощущение от соседних. Оно строило восемь личных дорожек: как от звука, давления или запаха человек переходит к определённом воспоминанию. Во время настройки участников просили следить за возникающими картинками. Для них отводились шесть дорожек. Две последние держали текущую обстановку у кресла и обновлялись до полного снятия питания. Поэтому в ошибочную передачу могли попасть и секунды самой аварии. Содержание картин не сохранялось в общем накопителе.

— Нам говорили, оно вообще не сохраняется, — сказал Лев.

— Оно оставалось в вашей памяти. Обод удерживал способ снова к нему подойти. При штатной работе этот способ был бесполезен для чужого человека. В понедельник что-то соединило местную настройку с возвратным сигналом. У каждого закрепились копии части эпизодов второго: зрение, звук, телесное ощущение, иногда пережитое тогда чувство. Объяснения, почему человек поступил именно так, в них нет.

— «Что-то» — это пока главное слово, — сказала Нина.

Мира не стала спорить.

Лев наклонился к полосам. В его светлых волосах над ухом осталась вмятина от обода.

— Она теперь всегда может видеть, что я помню?

— Нет. Только короткие фрагменты из настройки и двух последних дорожек. И только то, что попало в ошибочный возврат до отключения питания. Не больше восемнадцати секунд в одной дорожке. У нас восемь возможных дорожек с каждой стороны; некоторые оказались пустыми. Ваш сегодняшний завтрак ей недоступен. Ваши мысли сейчас тоже.

— А если я вспомню что-нибудь ещё из того вечера?

— Это будет ваше воспоминание. Нового канала между вами нет.

Лев перестал держать чашку второй рукой.

Нина попросила чистую бумагу. Написала: «Не связь. Последствие связи». Несколько секунд смотрела на эту фразу, потом зачеркнула. Слишком удобно было почувствовать себя инженером, имея карандаш.

— Почему это случилось с водой?

— Нужны две подходящие зацепки. У вас совпали прикосновение к краю стакана и движение верхней губой. У Льва — запах подогретого хлеба и щелчок защёлки. В одиночку запах мог ничего не вызвать.

— Значит, можно подобрать.

— Иногда. Но поиск сам по себе укрепляет чужую дорожку. Простое перечисление слов не поможет. Фраза «вспомните пароль» ничего не откроет, если такого эпизода нет в наборе. И даже если есть, получатель увидит лишь то, на что тогда смотрел владелец.

Нина спросила, можно ли стереть полученное. Мира дольше обычного поправляла край листа.

Неиспользованные дорожки можно было погасить, пока ободы сохраняли их адреса в индивидуальных метках. Для этого требовалась отдельная процедура. На это отводилось двенадцать суток после испытания; позже метки переставали надёжно различать старое и новое. Но увиденную чайку нельзя было аккуратно вынуть из Нининой обычной памяти. Она уже знала о чайке, как знала бы после рассказа или фотографии.

— Всё пережитое останется? — спросил Лев.

— Может поблекнуть. Может запомниться. Я не стану обещать вам забвение.

Уборочный автомат снова ударился о скамью. Лев встал, вышел и передвинул её на ладонь в сторону. Звук прекратился.

— Вот это было приятно, — сказал он, возвращаясь. — Когда исправляется с первого раза.

Нина взяла свой лист. На четвёртой дорожке была тёмная отметина.

— Это авария?

— Это сильный ответ. Дату и содержание по нему узнать нельзя.

— А если мы узнаем причину раньше, вам будет проще нас разъединить?

— Вас уже разъединили. Причина поможет сделать погашение точнее и остановить следующие испытания на неверной схеме.

Мира произнесла последнюю часть тихо. Нина подняла голову.

— Они хотят продолжать?

— Пока нет. Но сегодня подготовят первоначальное заключение.

К ним пришла внешняя инспектор Тая Ершова. Невысокая женщина в сером костюме, с широкой сумкой через плечо. Из сумки торчал свёрнутый дождевик. Ладеж обещал ливень третий день, но за окнами стоял сухой белый туман.

Тая сразу сообщила, что не принимает полученные картины за записи камеры. Ей нужны их собственные показания, отдельно друг от друга. Чужие фрагменты тоже можно сообщать, однако в заключении они будут обозначены именно как переживания участников, а не восстановленная хроника.

— Если Лев увидел мою кухню, это не переживание, — сказала Нина. — Это моя кухня.

— Верю. Но вы сейчас знаете, кто стоял рядом с вами в этой кухне? В который день? О чём вы думали до того, как он туда попал?

Нина посмотрела на Льва. Он отрицательно качнул головой.

Тая предложила первым делом записать всё, что относится к испытанию. Лев спросил, обязаны ли они отдавать остальное.

— Я расследую отказ оборудования, — ответила Тая. — Ваши комнаты мне не нужны.

После её ухода Нина придвинула к себе чистый лист.

— Давайте договоримся, пока никто не спросил чего-нибудь полезного.

Лев сел напротив.

Они условились не подбирать зацепки друг к другу без вопроса. Если чужое возникнет случайно, сообщать о самом появлении; личные детали пересказывать только с разрешения

владельца. То, что касается аварии, не прятать за словом «личное», но сначала сказать второму, что именно найдено. О чужих людях, мелькнувших в эпизоде, не расспрашивать за спиной.

— А если я пойму, что вы сделали что-то плохое? — спросил Лев.

Нина ответила слишком быстро:

— Тогда тем более говорите.

Он заметил её поспешность. Она это увидела и едва удержалась от объяснения.

Внизу листа Лев написал своим крупным неровным почерком: «Можно передумать».

— Насчёт всего?

— Насчёт следующего раза. Тот, который уже был, обратно не затолкаешь.

Нина поставила подпись. За стеной впервые за утро стало тихо.

3. Чужая рука

В первоначальном заключении авария начиналась на семнадцать секунд позже, чем помнила Нина.

Она сидела на кровати, держа выданный ей экран за два угла. В документе было всего полторы страницы. Сначала кратко описывалось испытание, затем внешний перепад питания, разрушение согласующей пластины и непредусмотренное действие второго участника, который попытался снять обод до окончания защитной последовательности.

Вторым участником была она.

Слово «попытался» понравилось ей меньше всего. Оно подразумевало разумный порядок, которому Нина помешала. Она помнила жёлтую полосу, произнесённое «стоп» и никак не могла вспомнить свои руки.

Серафима Ланская пришла ближе к полудню. На ней был обычный тёмный жилет с карманами, в которых всегда находились отвёртка и сложенные очки. После аварии жилет успели выстирать, но на левой полочке оставалась светлая полоса. Серафима заметила, куда смотрит Нина.

— От пены. Не отстирывается.

Она не стала садиться.

— Это предварительная версия. Я попросила не отдавать её, пока ты не поспишь.

— Текст менялся?

— В формулировках.

— Моё «стоп» записано?

— Основной звук потерян.

— Значит, снятие обода вы установили по чему?

Серафима взяла предложенный экран, провела пальцем вдоль строки.

— На креплении твоего левого датчика есть сдвиг. Обод нашли расстёгнутым.

— Его с меня снимали после.

— Это тоже проверяется.

За пять лет Нина научилась различать у Серафимы два терпения. Одно помогало дожидаться нужного вопроса у новичка. Другое позволяло переждать неудобный вопрос у взрослого. Сейчас было второе.

— Почему ты не спросила меня до заключения?

— Я ждала разрешения Миры.

— А предположение об ободке разрешения не требовало.

Серафима вернула экран.

— Нина, от этой бумаги сейчас не зависит ничья вина. Нам надо сохранить установку. Через три дня комиссия решит, разбирать её на независимые узлы или оставить для восстановления. Прибор дорогой, единственный в таком исполнении. Если начнём спорить о каждом слове, останемся без материала.

Нина слышала эту логику раньше, в менее опасных обстоятельствах. Сначала сохранить, потом разобраться. Сначала провести, потом перепроверить. Обычно у Серафимы действительно находилось время на вторую часть.

— Я внесу замечания сегодня.

— Конечно.

— И напишу, что доступ к исходному журналу мне не дали.

— Тебе его не могут дать. Ты участник происшествия.

Это было верно по правилам их центра. Нина сама вписала такое ограничение три года назад, когда проверяющий потерял важный файл, пытаясь доказать собственную правоту.

Теперь ограничение стояло между ней и экраном, на котором можно было бы увидеть её собственные действия.

Она позвала Таю.

Серафима наконец села.

— Ты считаешь, что я что-то скрываю?

— Я считаю, что эту версию проверишь не ты и не я.

Тая пришла с бумажным пакетом. В нём были Нинины вещи: короткая рабочая куртка, брюки, туфли. Инспектор оставила пакет у двери, дождалась окончания разговора и попросила Серафиму прислать основание времени внешнего перепада.

— Семнадцатая секунда аварийной записи, — уточнила она. — Это время устройства или городской сети?

— Время устройства, сведённое с сетевым.

— Тогда мне нужны оба.

Серафима ушла, обещав отправить их через час.

Тая спросила Нину, что та помнит о руках. Нина сказала: ничего. Пришлось произнести это вслух, хотя хотелось начать с того, что она не могла поступить так, как ей приписывали.

— Вот это я и запишу, — сказала Тая.

После обеда Нине разрешили пройти в общую комнату. Лев стоял у окна, изучая игрушечный бумажный ветряк на подоконнике. Он уже оделся в свои вещи: коричневые брюки и рубашку с засученными рукавами. На его запястье виднелась тонкая красная полоса.

— Я увидел ещё кусок, — сказал он вместо приветствия. — Думаю, ваш. Там пульт и ладонь на жёлтой площадке. Вы убираете руку. Потом снова кладёте, но не туда — на край стола. Никакого обода.

У Нины сжалось горло.

— Что вызвало?

— Дверца шкафчика хлопнула два раза. Я в это время давил большим пальцем на шов этой штуки.

Он показал ветряк.

— Вы уверены, что это были мои руки?

— На указательном пальце белая полоска. От кольца.

Нина давно перестала носить кольцо, но светлый след ещё держался.

— Вы рассказали Тае?

— Сначала вам.

Она едва не попросила его показать движение. Остановилась, вспомнив лист на подоконнике. Внешне в комнате не случилось ничего заметного. Нина просто выдохнула и убрала руки за спину.

— Я хотела сейчас заставить вас повторить.

— Знаю. У вас лицо было как у человека, которому дали подходящий ключ.

Он сказал это без упрёка. Оттого Нина сильнее почувствовала неловкость.

Тая выслушала Льва отдельно, потом вызвала их обоих. В городском журнале действительно имелось событие питания, но оно не доказывало, что авария началась снаружи: районный узел отметил резкий сброс нагрузки лаборатории, а не отказ подачи.

— Это может быть следствием, — сказала инспектор. — Пока не причина.

Нина кивнула слишком энергично.

— И ваш фрагмент, Лев, помогает мне задать вопрос о руке. Но доказательство я буду искать в устройстве.

— Там есть механический писец, — сказал Лев. — Маленький, слева под столом.

— Его внесли в перечень.

— Он мог пережить сеть.

Тая достала записную книжку. Лев вдруг зажмурился.

— Что?

Он не ответил. На левой скуле заходила мышца.

Нина увидела, как большой палец его правой руки давит на красную полосу у левого запястья. Из коридора долетели два тяжёлых удара: закрывали пожарную дверь.

— Красная перчатка, — сказал Лев. — Человек у рукояти. Он поворачивает её. И дверь...

Голос оборвался. Лев схватился за подоконник, но удержался.

— Дверь закрывается.

Нина медленно повернулась к Тае.

У аварийной рукояти в понедельник мог стоять только один человек.

4. Ветряк без ветра

Их выписали в четверг с условием приходить к Мире каждый день. Не водить машину до конца наблюдения, не пробовать зацепки в одиночку, при повторном сильном эпизоде звонить дежурному. Мира отдельно вписала номер дежурного и сказала, что будет менять рекомендации по результатам наблюдения. Нина оценила осторожность, хотя раньше сочла бы её недостатком инструкции.

На выходе Лев увидел, как она застёгивает куртку до подбородка.

— Вы домой?

— Сначала за продуктами.

— В таком виде вас могут принять за проверку морозильников.

Нина расстегнула ворот. На улице было тепло. Она не заметила этого.

Они дошли до рынка под стеклянной крышей. В Ладеже рыночный зал одновременно служил переходом к фуникулёру, и людей, покупавших яблоки, всё время обгоняли люди, опаздывавшие на верхнюю террасу. Над кассами висели номера платформ. Нина жила наверху, Лев — в старом квартале возле моря.

Он купил репу и длинный свёрток бумаги. Нина взяла хлеб, сыр и две груши, одну из которых сразу отдала ему, сама удивившись этому простому действию. В больнице всё, что они передавали друг другу, содержало условия.

Лев повернул грушу, нашёл мягкий бок.

— У меня мастерская рядом. Я обещал показать вам краба. Но это не значит, что я предлагаю войти в ту комнату.

— Я различаю мастерскую и квартиру.

— Теперь это приходится уточнять.

Нина посмотрела на серые рельсы фуникулёра. Дом наверху казался ей местом, где любая вещь могла оказаться приманкой. Лучше было пройти ещё немного, не признаваясь, почему.

Мастерская находилась под театральным складом. Свет шёл через длинные окна на уровне мостовой. За стеклом прохожие существовали отдельно от своих лиц: ноги, сумки, колёса тележек. На столе лежала спина деревянного краба, похожая на крышку супницы. Ноги были выстроены по длине, но одна стояла вертикально в банке с карандашами.

— Эта наказана? — спросила Нина.

— Эта единственная работает.

Лев снял коричневую куртку, повесил её на струбину и сразу перевесил на крючок.

— Тут у меня везде не на своих местах.

— По-моему, вы только что показали обратное.

Он принёс низкий табурет. Нина села, внимательно посмотрела на открытую механику. Для движения краба использовались фигурные деревянные диски. Каждый толкал свой рычаг, ноги поднимались и опускались так, что вся конструкция должна была идти боком.

— Почему дерево?

— Потому что зритель в третьем ряду слышит пластик. Этот спектакль без музыки.

— А мотор?

— Человек за занавесом. Ручка вот здесь.

Лев повернул ручку. Краб поднял пять ног, опустил две и упёрся брюхом в стол.

Нина засмеялась. Впервые смех не требовал выбрать, уместен ли он.

— Торжественный зверь.

— Он выходит на поклоны.

— Он выходит из себя.

Лев посмотрел на неё с удивлением, затем тоже засмеялся. Усы расходились в стороны, и на секунду Нина вспомнила воду. Она отодвинула стоявшую рядом чашку.

Он заметил, но ничего не спросил.

Проверяя привод, Нина привычно стала искать общий сбой. Лев ждал, пока она осмотрит все диски. Потом дал ей неработающую ногу и предложил подвигать отдельно.

В двух шарнирах был одинаковый люфт, а в третьем — совсем другой. Нина с усилием удержалась от объяснения, что видит. Ей хотелось просто разобраться руками.

Через двадцать минут краб сделал три шага. Лев отпустил ручку, хотя Нина ждала продолжения.

— Дальше надо переделывать. На один показ хватит, на тридцать — нет.

— Я обычно говорю это чужим людям.

— Утомительное занятие?

— Когда они кивают и потом делают один показ.

Лев перевернул краба на спину. Нина придержала корпус, пока он снимал тугую шайбу. Он показал ей пальцем место, на которое надо давить, но от одного показа яснее не стало. Ей удалось только с третьей попытки.

— Вот ради этого я и согласился, — сказал он. — Не объяснять каждый раз «ещё чуть-чуть». У меня помощник на острове, мы собирали одинаковые механизмы по связи. Я показываю, он повторяет, а потом выясняется, что держит не с той стороны. На экране всё видно. Руке не видно.

— Вы хотели переслать ему ощущение?

— Если бы получилось. Потом ещё три мастерские. Мы не можем все приехать друг к другу на месяц.

Нина покачала ногой краба, проверяя, не заедает ли шарнир. Теперь она действительно ощущала разницу, которую минуту назад не могла вывести из объяснения.

— Прибор не сделал бы его мастером за сорок секунд, — сказала она.

— Я и не собирался увольняться за сорок секунд. Мне бы хватило, чтобы он понял, о чём я говорю. Дальше сам.

Лев вынул шайбу и положил на чистый кусочек картона. Нина ожидала, что сейчас он скажет, как глупо было верить в такую помощь. Но он вернулся к разборке, словно ценность задуманного и случившаяся авария могли пока существовать рядом, не уничтожая друг друга.

— А вы почему сели? — спросил он.

— Хотела проверить остановку изнутри.

Это было правдой, только не всей. Нина заметила, как легко короткий точный ответ позволяет спрятать недосказанное. Положила ногу краба на стол.

— И хотела узнать, получится ли у меня то, что я обычно только оцениваю. Я ведь тоже говорю людям: «Сделайте ещё один проход». Иногда не понимаю, насколько им трудно повторить движение.

Лев кивнул. Не похвалил её за честность, которой она ещё не заслужила. Просто подвинул к ней следующую деталь.

Лев вынул из ящика пакет печенья. На пакете было нарисовано несколько очень правильных крабов.

— Мне нравится, как вы молчите, когда думаете, — сказал он. — Многие начинают разговаривать за механизм.

Нина повертела сломанную ногу.

— Я как раз подумала, что вы умеете не торопить.

Лев отвёл взгляд к окну.

— С деревяшками проще.

Его устройство на столе высветило имя Саши. Он взял его, прочитал сообщение и положил экраном вниз.

— Ей не нужно отвечать?

— Нужно. Но я хочу сначала переделать ответ.

Нина чуть не сказала, что понимает. Она не понимала. У неё имелись восемнадцать секунд комнаты, одна просьба и жестяная птица. Всё остальное она уже начала достраивать.

Лев достал купленный свёрток. Это была плотная серая бумага для маленького театра, который он делал для городского праздника. Внутри помещались мост, набережная и движущиеся окна. Зритель крутил ручку, и за минуту перед ним проходил весь день.

— А дождь?

— Пока не придумал.

Нина нашла среди обрезков полосу прозрачной плёнки. Провела по ней ногтем.

— Если две такие поставить со сдвигом...

Они забыли о печенье. Первая попытка получилась похожей на забор, вторая — на бегущих муравьёв. Третья дала настоящий косой ливень, который можно было остановить одним пальцем.

Нина держала полосу, Лев смотрел через бумажное окно. Никто не надевал ободов. Он не знал, что ощущает её рука. Она не знала, почему у него вдруг изменилось лицо. Но когда он сказал «чуть медленнее», она поняла, насколько.

Уходя, Нина попросила оставить плохой вариант с муравьями.

— Зачем?

— На случай, если городу понадобится нашествие.

Лев положил его в отдельный конверт, подписал «Нине» и не стал исправлять её неровный разрез.

5. Красная перчатка

Олег Данин оказался человеком лет тридцати с тихим голосом и привычкой разглаживать пальцем край кармана. Нина видела его на испытаниях, но до аварии почти не замечала. Когда прибор работал, монтажники проходили мимо, не задерживаясь в памяти.

Теперь он сидел напротив Таи за круглым столом и держал руки на коленях.

Нина и Лев попросили участвовать во встрече вместе. Тая согласилась с условием: они сообщают свои наблюдения, она задаёт вопросы. Не показывают движения, не пытаются вызвать повтор.

— Вы подходили к рукояти между столами и дверью? — спросила Тая.

— Да. Когда услышал треск.

— До отключения освещения?

— До.

— Что вы сделали?

Олег чуть приподнял плечи.

— Разорвал питание пластины.

Лев посмотрел на его правую кисть. На костяшках светлели следы, похожие на потёртости от тесной перчатки.

— Там красная перчатка была, — сказал он.

— Моя. Рабочая. На правой руке.

— И вы повернули жёлтую рукоять.

— Сначала вытянул, потом повернул.

Лев нахмурился.

— Я видел только поворот. Дверь после этого закрылась.

Олег впервые оторвал взгляд от Таи.

— Дверь я не закрывал.

— Это не обвинение, — сказала инспектор.

Но оно уже прозвучало. Нина поняла это по тому, как Олег спрятал большой палец в ладонь. Человек, пришедший рассказать, что сделал, теперь должен был объяснять, чего не делал.

Он работал в центре девять лет. Сам собирал нижнюю часть установки, прокладывал питание, менял фильтры охлаждения. В понедельник его назначили дежурным в аппаратной. Перед началом Серафима попросила заменить разделительный блок. В журнале это было отмечено как обычная замена на равнозначный узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.